Художник Владимир КАЧАН: «Человек даже не представляет, насколько он многолик»

Картины Владимира Качана особые. Еще столетие назад такие вывешивались на самое видное место в усадьбах – над камином или лестницей, и на них с гордостью смотрели потомки. Портретист Владимир КАЧАН за то, чтобы вернуть силу корней, ощущение рода и память о предках.

«Центр» себя называли. Этот район мне очень близок до сих пор. Помню, идешь утром в школу через привокзальную площадь, а там такой аромат... Утренний запах свежих булочек, хлеба – одно из ярких детских воспоминаний.

Масса мест в городе перерисовано, перепланировано и переименовано на хопсты. У нас есть на чем глазу зацепиться. И, надо сказать, я не раз за свою жизнь от коллег и друзей, которые приезжали в Гродно, слышал то же самое. Здесь пленэры художественные проводить – одна благодать, настолько выразительный город. Есть что посмотреть, полюбить, с собой увезти и потом долго вспоминать.

НЕКЛАССОВАЯ ИСТОРИЯ

– Владимир Владимирович, Вас знают и по монументальным работам, и как портретиста. В том числе и по такой проекту, как историческая портретная галерея для горисполкома, Гродненской Епархии. Вы писали портреты гродненских губернаторов, руководителей Нацбанка, ректоров и профессоров этих гродненских вузов. Запомнился и прозвучал проект «Лики Нации» к Фестивалю национальных культур в 2010 году. – Так сложилось, что я Гродно я занял свою нишу – исторического портрета и портрета вообще. С профессиональными историками мы постарались частично восстановить память о том лучшем, что было на гродненском земляке и должно остаться как наследие, но было разворовано и уничтожено.

Когда начинали в горисполкоме делать проект о бывших руководителях, это было очень смело. Люди еще видели булочки, хлеба – одно из ярких детских воспоминаний.

Масса мест в городе перерисовано, перепланировано и переименовано на хопсты. У нас есть на чем глазу зацепиться. И, надо сказать, я не раз за свою жизнь от коллег и друзей, которые приезжали в Гродно, слышал то же самое. Здесь пленэры художественные проводить – одна благодать, настолько выразительный город. Есть что посмотреть, полюбить, с собой увезти и потом долго вспоминать.

– Вы выросли в Гродно. Есть любимые места?

– Вы и не представляете, сколько у художника любимых мест в городе. Есть место, по которым я всегда сужу. Приезжал из Минска на ж/д вокзал и брел пешком через весь старый центр.

Я же жил на Окширо, возле вокзала над магазином «Спутник». Дом стоит бувкой «Ст», и его двор – отдельный удивительный мир, мы необходимо, прошу человека позировать часа полтора-два и прописываю лицо, руки.

– А где место музы?

– Как же без нее! Просто ей приходится пахать в три пота и 24 часа в сутки. Она – состояние божественное и понимает: если приду вовремя, все будет хорошо. Шучу. Но, если честно, помогают опыт, образование.

– Глядя на портрет человека, мы как минимум сравниваем: похож-не похож... – Человек даже не представляет, насколько он многолик. Если он руководитель, подчиненные видят его с одной стороны, дети – другой, жена любящая – с третьей, себя в зеркало он видит с четвертой и так далее. Когда родственники приносят фотографии для портрета, они иногда не могут сойтись на снимке, где человек похож на себя. А мне надо найти деликатную середину, которая бы устраивала всех.

И все же лучшего подарка потомкам не сделаешь: оставить правнукам что-то от прапредков. Нам не хватает исторической, панорамного 3 D видения своего рода.

У вас уже есть родовая портретная галерея?

– Заполнена на сакуг – это как раз тот случай. Хотя есть наброски по генеалогическому древу, чем давно увлекся. Есть портреты родителей, брата Анатолия, супруги Инны, других родственников. Осталось определиться с местом размещения...

– А автопортрет?

– Есть в мастерской работа, которую пишу лет 15. Это тема христианского звучания – видение столпника Владимира Столпники – люди, которые уходили от мира, монашествующие визионеры, провидцы. В то время в восприимчивости искусство как возможность через талант, икону Божью, видеть мир «внутренними глазами», открывая скрытый смысл бытия, жизненного замысла. Почему картина так долго пишется? Те вещи, которые я там затронул, – взаимосвязи человека и того, что его окружает... Я, – общем, нарисовав себя как столпника, в все время меняю окружение – в зависимости от того, как начинаю понимать с возрастом то, что важно в жизни, какие механизмы движут окружающими процессами.

Одна из картин у меня называлась «Мой Голгофа. Мой Иерусалим». Каждый человек на своем месте несет свой крест. И если мы живем здесь, наша ответственность, наша Голгофа и наш Иерусалим находятся здесь, на берегах этой реки. Помните, у Чингиза Айтматова был буранный полустанок... Он космос и Вселенную увидел сквозь это богом забытое место, где человек все же играет свою роль в процессах Вселенной.

То, что я делаю, останется будущим поколениям. Это мой «ребенок», который уже сам пошел. Будут новые руководители, напишут их портреты. Это сделано я или кто-то другой. Проект будет жить.

ЛЮБОВЬ СРЕДИ КНИГ

– Столько проектов реализованных, а что в планах?

– У меня сейчас главный проект – мои родители. Они уже немолодые: отцу, прошедшему войну, 91, матушке – 87, и отмечают такие юб с совместной жизни, кото и названия нет. С 1946 года – вместе, золотые, платиновые и даже железные свадьбы далеко позади. Моя самая главная миссия, чтобы родители не чувствовали тяжести старости и немощи, которые с ней связаны. А вообще, пишем у меня много. И время для их реализации бесконечно – возраст такой, когда ты знаешь, умеешь и видишь, как это сделать. Но, как говорится, кочешь, расскажешь. Есть, рассказ ему о своих планах.

– Жену выбирали, чтобы и ваша семья была такой же крепкой, как у родителей?

– С Ириной мы очень интеллигентно познакомились . Работа над проектом ,...я горисполкома, привела меня в обласгную библиотеку в отдел редкой книги. А Ирина там работала. Трудно было не заметить ее. Потом мы встретились на концерте: смотрю, профиль знакомый. Вот тут меня электричеством ток пробило конкретно. Сейчас, наверное, так же знакомятся: встретиться в библиотеке, влюбиться на концерте камерной музыки, а в перерыв свидание пригласить в театр...

– Совместная жизнь у вас, должно быть, нетопливо-разнородная...

– Наоборот! Мы все, и сын Даниэ тоже, очень энергичные, постоянно что-то делаем. Я уверен, что бурная энергия чаются на небесах и ничто случайно не соединяется. У нас Ирина энергетика очень с общая, и в итоге получаются продуктивные вещи. Музей истории пожарной службы она создала с нуля и в итоге очень высоко поднята планку для всех республиканских ведомственных музеев. Он достойно вписался в наш богатый с исторической точки зрения город, и мне приятно слышать, что музей востребован и им гордятся.

Татьяна КУЗНЕЧЕНКОВА

станковой живопись, мозаикой... Люди с «хорошо вставленными» руками и хорошо поставленным разумом.

– Ваши родители – люди военного поколения. Они поддержали выбор сына, не говорили, что надо бы более признанную профессию иметь?

– В этом плане со стороны отца не было давлекящей ситуации. А матушка своей женской мудростью решала, и она поддерживала нас с братом. У нее ведь тоже был творческий огонек, который просто из-за условий жизни не смог развиться. Стихи немного писала, пела хорошо, любила на мандолине поиграть. Поэтому она в немалой степени «режиссировала» нашими профессиями, за что ей глубочайший поклон. Мы с братом Анатолием никогда не жалели о выборе, который сделали.

– Анатолий Владимирович долгое время работал в «Гродненской правде», его вспоминают как талантливого журналиста.

– Он очень любил газету, не видел для себя другого пути. Попробовал однажды найти себя в другом, но потом все равно вернулся: понял, что с этим делом будет до конца жизни. И работал практически до последнего дня. Анатолия не стало десять лет назад, в сентябре 2004-го.

Я по многим параметрам, вспоминая брата, равнялось на него. Он был честным и бескомпромиссным, никогда не дружил против кого-то. Это был образованный, творческий и многочеловек человек. Анатолий знал, что уходит, и очень хотел что-то после себя оставить. Писал музыку, стихи... Надеялся издать сборник его произведений. И нашу встречу, это интервью я хотел бы посвятить памяти Анатолия.

– Вы выросли в Гродно. Есть любимые места?

– Вы и не представляете, сколько у художника любимых мест в городе. Есть место, по которым я всегда сужу. Приезжал из Минска на ж/д вокзал и брел пешком через весь старый центр.

Я же жил на Окширо, возле вокзала над магазином «Спутник». Дом стоит бувкой «Ст», и его двор – отдельный удивительный мир, мы